DOI: 10.53737/2713-2021.2026.40.85.001

З. Самашев, Э. Севинч

САКСКИЕ ПОСЛАННИКИ, ЗАПЕЧАТЛЕННЫЕ НА РЕЛЬЕФАХ ПЕРСЕПОЛЯ (КОНЕЦ VI В. ДО Н.Э.)*

В статье дается иконографический анализ рельефных изображений сакских посланников к ахеменидскому царю, расположенных на северной и восточной лестницах церемониального дворца Ападана в Персеполе. Они изображены бородатыми, со стриженными волосами, строго в профиль, в этнодифференцирующих островерхих головных уборах и, главное, — с личным оружием. Это позволяет предположить привилегированное положение саков не столько в зафиксированной сцене шествия (неоднозначно трактуемой некоторыми исследователями как делегация «данников» из зависимых стран), сколько во всей системе военно-политических, экономических и культурных структур Ахеменидской империи. Анализ изображенных подарков показывает, что часть из них — снаряженный конь и «ноговицы» (бывают с роскошными аппликациями) являются подлинно сакскими, а золотые шейные гривны, выполненные в ахеменидском, а не в сакском зверином стиле, и накидки мидийского типа в разных моделировках (которые не носят и не производятся в странах саков) являются дарами со стороны персов, что отражают очень древнюю традицию «ритуального обмена дарами» или символическую сцену оплаты за предоставленные товары. Рельефы Персеполя, равно как образ сакского царя Скунхи, запечатленный в 521 г. до н.э. на Бехистунской скале и сопровождающийся письменным текстом, и множество других материализованных свидетельств на земле древних персов отражают чрезвычайно интересные для древней истории и культуры эпизоды в реальных взаимоотношениях между «Страной саков» и Ахеменидской империей, начиная с последней четверти VI в. до н.э. и в начальный период IV в. до н.э., которые определяли, во многом, баланс сил в странах Древнего Востока. Поэтому более углубленное изучение указанных и других источников в дальнейшем могут открыть для нас интересные перспективы.

Ключевые слова: Ахемениды, Персеполь, Ападана, лестница, рельефы, иконография, саки, тигрохауда, посланник, одежда, дары.

Сведения об авторах: Самашев Зайнолла[1], доктор исторических наук, профессор, Институт археологии имени А.Х. Маргулана, г. Астана, Казахстан; Севинч Эмре[2], автор-корреспондент, PhD, Университет Анкары Хажы Байрам Вели, г. Анкара, Турция.

Контактная информация: [1]010000, Казахстан, г. Астана, пер. Култобе, 11—182; [2]06570, Турция, г. Анкара, Eti Mahallesi, Celal Bayar Bulvarı, № 78; e-mail: [1]archaeology_kz@mail.ru; [2]emresevincturkiyat@gmail.com.

Zainolla Samashev, Emre Sevinc

SAKA ENVOYS DEPICTED IN THE RELIEFS OF PERSEPOLIS (LATE 6th CENTURY BCE)

This article presents an iconographic analysis of relief depictions of Saka envoys to the Achaemenid king on the northern and eastern staircases of the Apadana ceremonial palace at Persepolis. The envoys are depicted with beards and short hair, shown exclusively in profile, wearing distinctive pointed headdresses indicating their ethnic identity and, most importantly, carrying personal weapons. These features suggest that the Saka enjoyed a privileged status not only within the procession depicted in the reliefs, which some scholars interpret as a delegation of “tribute bearers” from dependent territories, but also within the broader

* Статья подготовлена в рамках финансирования фундаментальных научных исследований Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на 2026—2028 гг., ИРН проекта BR31714853.

Статья поступила в номер 5 апреля 2026 г.
Принята к печати 5 мая 2026 г.

© З. Самашев, Э. Севинч, 2026.

military, political, economic, and cultural structures of the Achaemenid Empire. An analysis of the depicted gifts indicates that some items, including a fully equipped horse and leg coverings, sometimes decorated with elaborate appliqués, are distinctly Saka in origin. In contrast, gold torcs executed in the Achaemenid rather than the Saka animal style, and Median-style cloaks of various designs, which were neither worn nor produced in Saka territories, appear to have been gifts from the Persians. This may reflect the ancient tradition of ritual gift exchange or a symbolic representation of payment for goods supplied. The reliefs of Persepolis, together with the depiction of the Saka king Skunkha carved at Behistun in 521 BC and accompanied by an inscription, as well as numerous other examples of material evidence from ancient Persia, document important episodes in the relations between the "Saka land" and the Achaemenid Empire from the last quarter of the 6th century to the early 4th century BC. These interactions played a significant role in shaping the balance of power in the ancient East. Further examination of these and other sources may offer promising avenues for future research.

Key words: Achaemenids, Persepolis, Apadana, staircase, reliefs, iconography, Saka, Tigraxauda, envoy, clothing, gifts.

About the authors: Zainolla Samashev[1], Doctor of Historical Sciences, Professor, Margulan Institute of Archaeology, Astana, Kazakhstan; Emre Sevinc[2], Corresponding author, PhD, Ankara Hacı Bayram Veli University, Ankara, Türkiye.

Contact information: [1]010000, Kazakhstan, Kultobe Lane, 11—182; [2]06570, Türkiye, Ankara, Eti Mahallesi, Celal Bayar Bulvarı, № 78; e-mail: [1]archaeology_kz@mail.ru; [2]emresevincturkiyat@gmail.com.

Введение

Изображения сакских посланников к Ахеменидскому царю на фасадах и перилах северной и восточной лестниц Ападаны Персеполя и фигура Скунхи (на Бехистунской скале, царя одного из сакских государственных образований в Приаралье) мало подвергались специальному анализу в качестве источника по древней истории и культуре Казахстана, хотя существует огромное количество зарубежных исследований, которые в различной степени затрагивают общие и конкретные аспекты интересующей нас проблемы. Исключение составляет небольшой экскурс К.А. Акишева, где упоминаются саки в остроконечных головных уборах как зависимые от Персии народы (Акишев, Кушаев 1963: 16—20).

Широко известны правосторонне-профильные изображения шествий 23-х делегаций из разных стран на рельефах восточной лестницы Ападаны, появившиеся, как полагают, при Дарии I (522—486 гг. до н.э.). Однако менее популярны изображения этих же делегаций на другой, северной лестнице этого же дворца, исполненные не в виде симметрично-зеркального отражения, а как вид процессии с другой (левой) стороны и, соответственно, они были рассчитаны на иной эффект визуально-психологического восприятия всего ритуала на его завершающей стадии. Некоторые считают, что северная лестница с рельефными изображениями была построена при Ксеркселе I (486—465 гг. до н.э.). Полный вид шествия сакской делегации с двух сторон показан только в работе Э. Шмидта (Schmidt 1953: Plate 37).

Рельефные изображения шести персон на лестницах Ападаны Персеполя, которые составляют так называемую делегацию № 11, в плане этнокультурной идентификации принимаются нами без каких-либо дополнительных аргументаций как сакские посланники, учитывая, что это уже было осуществлено в трудах исследователей XX века. Лишь несколько учёных допускали, что здесь могут быть изображены Причерноморские скифы, однако у них головные уборы имеют совершенно другие конструктивные решения, чем у саков тиграхауда.

За рамки хронологии событий, упоминаемых в данной статье, мы принимаем поход Дария I в 519 г. до н.э. на «Страну саков» и год разрушения Персеполя Александром Македонским в 330 г. до н.э.

Некоторые исследователи полагают, что в состав другой делегации, изображённой здесь под № 17, включён (наряду с согдийцем, хорезмийцем и др.) и представитель саков (Walser 1966: 93, 94; Tafel 69, 70, 84), в изучаемый период истории они расселялись на востоке Средней Азии, вплоть до Восточного Памира (Литвинский 1972: 158—174; Пьянков 2013:

495—514) и были известны в письменных источниках как Haumavarga (по-гречески Amyrgioi, т.е. их называли амюргюйскими скифами) — употребляющие хаому. Судя по рельефу Персеполя, головные уборы этой группы саков были, возможно, не очень высокими, во всяком случае, у членов делегации № 17 они отличаются от остроконечных шапок тиграхаудов (Walser 1966: Tafel 24).

Интересным представляется анализ иконографических особенностей Персепольских рельефных изображений саков в контексте сложения и развития ахеменидского имперского культурного комплекса. Однако вопросы формирования ахеменидского искусства и специфического придворного стиля и многое другое затрагивались в необозримо большом количестве научных трудов по истории Персии (Moorey 1985: 21—37; и др.) и, естественно, выходят за рамки наших конкретных задач.

Материалы и методы

Персеполь расположен у подножия горы Кух-и Рахмат, на юге Ирана, в 57 км к северо-западу от современного города Шираз. На месте древнего города сейчас находятся музеефицированные развалины различных дворцов, административных зданий и погребальные комплексы (рис. 1). Мнения исследователей относительно времени основания города варьируются между 518—513 или 497 годами до н.э. Однозначно известно, что его первоначальный облик был сформирован в период царствования Дария I как духовное святилище и как некий ритуально-церемониальный центр империи, своеобразный город-дворец.

Вначале была возведена искусственная терраса высотой в 13 м, на которой возводились все монументальные постройки города. Строительство главного церемониального дворца Персеполя — Ападаны было начато Дарием I и завершено Ксерксом I (Дандамаев, Луконин 1980: 250). В Сокровищнице Персеполя хранились доходы от налогообложения, военные трофеи и дипломатические подарки стран, с которыми Ахемениды поддерживали отношения.

В 330 г. до н.э. Персеполь был сильно разрушен Александром Македонским. На его развалинах в 1931—1939 годах Восточным институтом Чикагского Университета под руководством Эрнста Херцфельда, затем Эриха Шмидта и впоследствии местными учёными проводились археологические исследования, которые дали очень интересные данные, лёгшие в основу многих реконструкций (Herzfeld 1935; 1941; Schmidt 1953; 1957; 1970; Mousavi 2012: 41—91 и др.).

Лестницы Ападаны с рельефными изображениями относятся к числу узловых компонентов всей архитектурно-художественной системы Персеполя.

Восточная лестница, пристроенная к фасаду дворца, — начальная точка кульминации всех мероприятий имперского уровня (приём иностранных послов и 23-х делегаций, как полагают многие, прибывших для участия в церемониях культово-ритуального характера). После прохода через «ворота всех стран», колонный зал и т. д. оканчивались эти мероприятия на северной стороне здания, где находилась лестница с аналогичными рельефными изображениями. Косвенно на это, возможно, указывает то, что на рельефах восточной лестницы все участники процессии из разных стран изображены идущими вправо, а на северной лестнице люди двигаются в противоположную сторону и отображены на поверхности камня с левой стороны в профиль, причём не по принципу зеркальной симметрии (рис. 2, 3), а как вид с другого боку, поэтому детали одежды, оружия и способы их ношения имеют соответствующие отличия. В реальности участники шествия, как считают, поднимались по этим лестницам, а рельефные изображения «бессмертных», гвардейцев и придворных вельмож по сторонам как бы сопровождали их, создавая эффект соучастия в процессии.

Все 23 делегации в той или иной степени описаны исследователями (Walser 1966: 93, 94; Tafel 69, 70, 84; Уилбер 1977: 69—71 и др.). Высота фигур участников процессий на

панелях, согласно данным Д. Уилбера, — 3 фута (1 фут = 30,48 см), т. е. около 90—91 см (Уилбер 1977: 67), но также отмечается, что некоторые фигуры северной лестницы меньше по размерам.

Специалистами установлено, что изображения всего комплекса, в том числе и рельефные фигуры, были окрашены разноцветными красками, «основанными на киновари и гематите (красный цвет), азурите и кобальте (синий цвет), малахите (зелёный цвет), охре (жёлтый и коричневый цвета), кальците (белый цвет) и угле» и др. (Вергазов 2017: 119, 120). Предполагается, что они были не только ярко раскрашены, но и в некоторых случаях имели вставки из пасты и бронзы (Луконин 1977: 69).

Рельефы на северной лестнице длительное время оставались открытыми и поэтому подверглись различной степени износа из-за природных условий, грабежей и преднамеренных повреждений.

Рельефы на восточной лестнице были покрыты обломками, поэтому в течение всего времени до 1932 года, когда их вновь обнаружили, они были защищены от антропогенного воздействия и климатических перепадов, поэтому сохранились относительно неплохо.

Таким образом, источником для наших рассуждений являются фотографии и графические материалы, опубликованные в различных изданиях начиная с середины 30-х годов прошлого века, заканчивая публикациями наших дней, которые касаются, в той или иной степени, истории и культуры наших далёких предков — сакских народов.

В методологическом отношении комплексный анализ содержания всего изобразительного ряда лестниц Ападаны как формы художественного воплощения царского ритуала, совершающегося в имперском святилище в контексте взаимоотношений между Персией и «Странами саков», т. е. государственными образованиями, конфедерациями, племенными союзами (даи, дахи, массагеты, дербики; исседоны, аримаспы, аргиппеи, грифы и др.), занимавшими огромное пространство от Восточного Прикаспия до Памирских гор и от границы лесостепи и Алтайских гор на севере и до северных сатрапий Ахеменидов на юге, представляется весьма продуктивным. В VI—V вв. до н.э. в круговорот бурных культурно-исторических событий Западной и Центральной Азии были вовлечены самые разнообразные народы.

Персы, как известно, сначала называли общим термином «саки» все кочевые народы, с кем на севере они вступили в контакт, потом, по мере расширения связей, стали выделять среди них Присырдарьинских «острошапочников» и восточных — «хаому изготовляющих», а Saka paradaraya у них вовсе являются причерноморскими скифами (Пьянков 2013: 493—515; Дандамаев 2015: 138—142).

Ахемениды на протяжении своей истории имели различные контакты с северными кочевниками и, соответственно, обладали некоторыми, хотя и неполными представлениями об их этническом составе, о хозяйственной деятельности, структуре управления и т. д.

Изображения на рельефах Ападаны Персеполя, которые имеют точную хронологическую привязку к событиям в Ахеменидской империи и явные этнодифференцирующие иконографические особенности, хранят много до конца ещё не раскрытой информации по истории и культуре саков и о направлениях их связей в пространстве, поэтому задачей данной статьи является ещё раз обратить внимание на необходимость более глубокого их изучения методом сравнительно-исторического анализа для того, чтобы они стали полноценным источником.

Сакская делегация на рельефах Ападаны Персеполя. Объектом нашего изучения является изображённая на рельефах восточной и северной лестниц Ападаны Персеполя сакская делегация, укомплектованная шестью персонами, которая определена первыми исследователями памятника как участники 11-й процессии данников (Herzfeld 1935; 1941; Schmidt 1953; Walser 1966; Root 1979 и др.).

Общая характеристика. Мы называем этот сюжет «сакская дипломатическая миссия», прибывшая в Персеполь (рис. 3), возможно, как подчёркивали исследователи, по

случаю проведения новогодних торжеств или, как допустимый вариант, на мероприятия, посвящённые коронации нового царя, хотя некоторые учёные полагают, что возведение на трон происходило в древней столице — Пасаргадах, а не в Персеполе (Луконин 1977: 67; Дандамаев, Луконин, 1980: 122).

Разница между ними существенная: на Новруз приезжать можно почаще, а на инаугурацию — только один раз в жизни того или иного царя, соответственно, структуру и содержание всего изобразительного ряда Ападаны Персеполя можно интерпретировать по-разному. Дарий I к моменту строительства Ападаны был уже коронован, но кто-то из последующих царей от Ксеркса I до Дария III мог приказать запечатлеть такой эпизод церемонии по случаю своего восшествия на трон.

В то же время не исключено, что изображения делегаций могут иметь совершенно иные смысловые нагрузки и не быть связанными с вышеуказанными событиями. Однако ясно, что они как объекты, созданные для зрительного восприятия, отражая кульминационные моменты в жизни империи, были призваны обеспечить формирование идеи незыблемости, вечности и гармонии в ахеменидском мире.

На фасадах двух лестниц из серого известняка изображена трёхполосная по горизонтали огромная композиция, разделённая бордюрами, украшенными 12-ти лепестковыми розетками. Шествия иностранных делегаций отделены друг от друга изображениями кипариса.

Изображение сакского посольства на восточной лестнице занимает место на начальном участке средней части фриза; сверху, на первой полосе, располагалась Египтская миссия (№ 10), снизу — Ионийско-греческая (№ 12), позади — ганхарцы (№ 14) и спереди — согдийская (№ 8). Число индивидов в составе делегаций варьируется от трёх до девяти человек.

Сакских дипломатов, изображённых на фасаде восточной лестницы Ападаны, шестеро (включая посланника с конем, которого в некоторых ранних публикациях пренебрежительно называли конюхом), не считая местного куратора.

К каждой делегации прикреплён мидийский лейбгвардеец или, скорее всего, высокопоставленный (придворный) сановник, который, взяв за руки руководителя миссии направляется, видимо, к месту встречи с Ахеменидским царём. Эти персоны, возможно, играли определённую роль в системе управления империей (некоторые исследователи допускают, что здесь могли быть обозначены сатрапы), поэтому на примере сакской делегации дадим их базовую характеристику. Сакских посланников ведёт к месту проведения церемонии, как полагают, мидиец, изображённый идущим вправо, т. е. вперёд, с посохом без набалдашника в левой руке и в типично мидийском головном уборе с высоким округлым верхом и двумя свисающими сзади лентами (рис. 4: 1). Правой рукой он держит левую руку главы сакской миссии.

Волосы и борода этого персонажа изображены согласно утвердившегося в изобразительном искусстве Ахеменидов канона, в геометризированной манере, как накладные. Весьма вероятно, что пряди волос и бороды, составленные из миниатюрных квадратиков, имеют числовую символику и отражают положение этого чиновника в социополитической иерархии общества. На профиле головы обозначена мочка правого уха, вполне возможно, что к ней могли прикреплять, как отмечали выше, натуральные инкрустированные серьги. На шее изображена массивная гривна, у которой, при сильном увеличении, просматриваются стёртые узоры. Гривна на шее из благородного металла, в большей степени является символом придворного ранга. В трактовке образа придворного чиновника явно просматривается египетская стилистическая манера показа головы строго в профиль, торса — прямо спереди, а ноги — сбоку, как бы в закрученном состоянии. Вероятно, в этом есть какой-то смысл, поскольку аналогичный приём повторяется и на рельефных изображениях других делегаций. Возможно, это некий художественный приём, с помощью которого подчёркивается особый статус и положение придворного сановника, ведущего иностранную делегацию на приём к царю. Фасон верхней одежды персонажа можно определить как кафтан, но не распашной, а туникообразный. Талия перехвачена

широким поясом, концы которого завязаны сложным узлом и аккуратно опущены вниз поверх второго, стрелкового пояса. Такой способ завязывания пояса демонстрирует Египетская скульптура Дария I (Yoyotte 2013a: 245, fig. 265), что позволяет предположить его широкое распространение в среде Ахеменидской аристократии.

К стрелковому поясу подвешен кинжал в трёхсоставных ножнах с помощью металлического двусоставного подвижного шарнира (рис. 4). Бутероль ножен кинжала треугольной формы, привязана (с помощью кожаного ремешка) к правой ноге, у которой улавливается едва заметный изгиб. Брюки заметно заужены и в нижней части брючины показаны ленты для завязывания со свисающими концами. Тип обуви определить сложно, может быть это мягкие кожаные сапоги (без каблуков), голенища которых заправлены в брюки или парадные туфли, которые надевают только в особых случаях.

Как отмечалось, на северной лестнице Ападаны вся процессия запечатлена движущейся влево, в обратном направлении и, соответственно, люди показаны с левой стороны. Здесь изображения лиц и головных уборов всех антропоморфных фигур оказались полностью повреждёнными. При сравнении с вышеописанными изображениями на восточной лестнице наблюдаются некоторые несовпадения в трактовке образов. Например, придворный сановник, о котором идёт речь, на этом рельефе держит посох другой, правой, рукой в сильно наклоненном положении и не спереди, как это показано на восточной лестнице. Главу сакской делегации он ведёт левой рукой. Шейная гривна растянута до плеч, отсутствует стрелковый пояс, поскольку оружие осталось на невидимой стороне и, соответственно, на колене правой ноги нет ремешка для привязывания ножен кинжала. Ещё обращает на себя внимание то, что кипарис, маркирующий границы делегаций, здесь показан без роскошно расписанного ствола и ветвей с пучками листьев.

Теперь переходим к характеристике основного материала — изображениям членов сакской дипломатической миссии на двух лестницах.

Первый индивид, изображённый справа, которого за левую руку (на северной лестнице — за правую руку) держит описанный выше ахеменидский чиновник, без сомнения, является Главой сакской дипломатической миссии, прибывшей на торжества в Персеполь. Голова, и весь корпус, и ступни ног, направленные вправо, показаны строго в профиль (рис. 4: 2). Он одет в типичный этноопределяющий сакский костюм, включающий головной убор из войлока, с высокой конической тульей и длинными наушами и затылочной лопастью; длиннополый (до колена) кафтан с косым вырезом на правом подоле (для удобства привязывания к ноге нижней части ножен кинжала); два пояса — основной парадный и стрелковый, для оружия; сужающиеся книзу штаны (или, скорее всего, «ноговицы») с (кожаной) тесьмой в нижней части брючин для крепления и особый тип (мягкой) обуви. Его волосы на лобной и височной частях показаны стриженными, а на затылке — как бы собранными в пучок, что является нетрадиционным способом ухода для саков. Принято считать, что у саков более распространена была мода заплетать волосы в косички, хотя прямых иконографических материалов, доказывающих подобный способ, как это видим в торевтике у северо-причерноморских скифов, нет. В профиле головы показана широкая полоска волос (наподобие бакенбард у вавилонян или самих ахеменидов), соединяющаяся с клинообразно заострённой густой бородой, оформленной в виде плотных, вертикально организованных волнистых линий. Подчёркнут закрученный ус. Лаконично, но очень выразительно показан слегка выпуклый правый глаз. Также выразительны нос и губы. Все указанные антропологические характеристики в совокупности передают зрителю образ аристократичного и волевого человека, которому доверено представлять интересы «страны саков» в самой могущественной к тому времени империи в мире.

Кафтан у персонажа изображён несколько обобщённо, где нет явных признаков распашной одежды, как это показано, например, у саков, изображённых в числе носителей трона царя, на рельефах из Накше-Рустама (Walser 1966: falttafel 1, 14, 15, 24;

Calmeyer 2009: tafel 16.3, 31.4). Поэтому можно предположить, что создатель рельефа в данном случае ориентировался на иные образцы верхней одежды.

Глава сакской делегации вооружён кинжалом и луком. Подробно предметы вооружения рассмотрим ниже, здесь лишь отметим, что на северной лестнице силуэт лука в налучье изображён полностью, а не перекрыт частично телом человека, который на рельефе северной лестницы показан в полный профиль, шагающим влево. Ахеменидский проводник держит своей левой рукой его правую руку, а не наоборот, как на восточной лестнице, т. е. здесь есть логика показа завершающего момента шествия с противоположной стороны, а не в зеркальной симметрии.

Второй представитель делегации на рельефе восточной лестницы (рис. 5: 1), двигающийся вслед за руководителем делегации, ведёт обузданного жеребца — главного подарка Страны саков. Он изображен на втором плане, его профиль показан до уровня локтевого сустава правой руки, которой держит повод, идущий от головы коня. Ниже живота коня обозначены угловатый низ кафтана, бутероль ножен кинжала и брюки или ноговицы; на фоне изображений копыт коня просматриваются ступни ног, направленные вперёд, в правую сторону. По своим иконографическим характеристикам и, особенно, в передаче формы и элементов головного убора и физических особенностей индивида, данный рельеф близок к описанному изображению Главы делегации. Возможно, рельефные изображения всей сакской делегации выполнены одним мастером.

Изображение этого индивида на северной лестнице Ападаны дополняет визуальную информацию о нём, например, посланник здесь показан полностью и движущимся в противоположную сторону, а конь находится на втором плане (рис. 5: 2). Художник здесь использовал упомянутый приём передачи корпуса в развёрнутом виде (см.: рис. 4), а ноги в профиль. Кисти рук, держащих повод, направлены в первом случае — прямо, во втором — вниз. Обозначены пояс, узелок завязки и окончание ремня. Полы кафтана, во втором случае показаны без угловых вырезов, наискось. Здесь хорошо видны ленты, с помощью которых завязывали низ брючины или ноговицы.

У этого же коня, изображённого на северной лестнице, отсутствует шейное украшение, узел хвоста трактован несколько иначе, т. е. в обоих случаях видны некоторые различия в передаче отдельных элементов, аксессуаров и т. д. (рис. 5).

Третий посланник саков, изображённый на рельефе восточной лестницы с двумя массивными золотыми гривнами с зооморфными окончаниями, показан строго в профиль (рис. 6: 1). Гривны он держит в согнутых руках, перед собой, друг над другом. Одет в длиннополый кафтан, но не ясно — туникообразный или распашной. Вооружён кинжалом с брусковидным навершием, его ножны прикреплены к стрелковому поясу с помощью металлического двусоставного шарнира, а низ привязан к правой ноге, выше колена. Следует отметить, что изображения третьего человека на рельефах двух лестниц в данном случае почти совпадают.

Четвёртый сакский посланник (рис. 6: 2) запечатлён на поверхности камня теми же технико-стилистическими приёмами, которые были использованы при создании предыдущих персонажей. Островерхий головной убор, выразительный профиль лица с клиновидной бородой и с усами, а также длиннополый подпоясанный кафтан, кинжал в ножнах, брюки или ноговицы, завязанные снизу широкими лентами, концы которых свисают на фоне обуви. Подарок, который он несёт двумя руками, можно определить, в целом, как накидка с длинными рукавами с манжетом, предназначенная, по-видимому, для ношения исключительно придворными чиновниками, как например, у представителей мидийской знати, изображённых на лестницах в Персеполе (Roaf 1983: fig. 111—119; Pl. XXXIVb**)**. Изображение с противоположной стороны не содержит дополнительной ценной информации.

Пятый посланник саков (рис. 6: 3) несёт одежду, по фасону идентичную с образцом накидки предыдущего посланника. Различие видно только в оформлении манжета рукава и

в отсутствии дополнительной складки. Сама фигура его выполнена в такой же манере, что и у отмеченных выше сакских посланников. Отсутствие изображения кинжала на левостороннем рисунке как бы подчёркивает правосторонний способ ношения кинжала и прикрепление одновременно к поясу и ноге, у сакских народов это продиктовано удобством во время верховой езды.

Шестой посланник (рис. 6: 4), замыкающий торжественное шествие сакской делегации, держит перед собой обеими руками пару «чулок», определяемых нами как «ноговицы», которые имели распространение в рассматриваемый период у некоторых народов, обитавших, главным образом, в холодных климатических зонах. Их надевали поверх брюк, верхнюю часть прикрепляли к поясу, нижнюю часть, как на рельефах, завязывали шнурком.

Таким образом, рельефные изображения всех шести членов сакской делегации на восточной лестнице выполнены в единой стилистической манере, единой техникой и все имеют одинаковые размеры и пропорции частей тела; показаны идущими слева направо (от зрителя), вперёд. Большая вероятность того, что они выполнены одним художником-камнетёсом по заранее известному шаблону. На рельефах северной лестницы показано всё, что не было видно при взгляде с правой стороны, но в несколько ином исполнении.

Несмотря на строго профильный показ фигур саков, особенно их головы, в соответствии с канонами ахеменидского изобразительного искусства, у некоторых описываемых персонажей угадываются слабо выраженные степные (монголоидные) черты. У индивидов раскосые глаза. Взгляд у них сосредоточенный, задумчивый.

Костюм членов сакской делегации. *Головной убор* с острым верхом — наиболее значимый компонент сакского костюма, имеющий очевидные этноопределяющие показатели, благодаря которым удаётся вычленить на корректном уровне из общего изобразительного ряда рельефов Персеполя (и других изобразительных памятников ахеменидского круга) целый пласт сакского (степного) культурного комплекса, со своим ярко выраженным этнографическим обликом (Дандамаев 1963: 97—98).

Сравнительный анализ имеющихся в нашем распоряжении изображений головного убора из разных памятников позволяет предложить, в предварительном порядке, три социокультурных типа «кулахов» (о кулахе см.: Акишев 1984: 7—28) — войлочных остроконечных головных уборов, которые были в обиходе у сакских народов в изучаемый исторический период — царский, высшей элиты и воинский.

Первый тип «царского» головного убора саков представлен на Бехистунском портретном изображении Скунхи (рис. 7: 1). Это очень высокое (80 см или более) конусообразое сооружение на войлочной основе, с окаймлённым низом, без наушников и затылочной лопастью, с закрученной лентой и без завязок. Данный тип является, видимо, не повседневным, а церемониальным. Вся поверхность головного убора, скорее всего, была покрыта разного рода аппликациями, накладными украшениями из драгоценных металлов и камней, как на головном уборе из кургана Иссык (Юго-Восточный Казахстан, V—III вв. до н.э.).

Второй тип головного убора — высшей элиты саков, представлен образцами из рельефных изображений Персеполя, на которых мы останавливались выше (рис. 7: 2). Этот тип можно считать эталонным (можно назвать «кулахом»), на базе которого создавались различные модифицированные образцы в разных регионах «сакского мира». Особенность Персепольских образцов заключается в том, что у них шнурок завязан фигурным образом на затылочной части головного убора, что является, на наш взгляд, одним из показателей принадлежности этого элемента экипировки к костюму сакской элиты. Нет признаков того, что эти шнуры пришивались к поверхности войлочного головного убора, как предполагал Г. Вальзер в своё время (Walser 1966: 85—86).

Третий тип войлочного головного убора — воинский (рис. 7: 3—6). Он является более адаптированным к повседневному образу жизни и военным условиям вариантом кулаха. География этого вида головного убора обширна — кроме собственной «ойкумены» сакского

мира, отдельные изображения зафиксированы в пределах бывших сатрапий Ахеменидской империи (например, у изображений носителей трона на гробнице Артаксеркса II в Персеполе, Дария I в Накше-Рустаме, у Египетской статуи Дария I из Суз, на цилиндрической печати в национальной библиотеке Франции и др.). Наиболее презентабельные образцы представлены изображениями на стенах гробницы из Татарлы в Турции, у которых короткие шнурки зауженных наушников завязывались для удобства спереди (рис. 7: 4). Интересно отметить, что исходная форма такого головного убора, претерпев некоторые изменения в течение нескольких тысячелетий, сохранилась у казахов в виде зимнего головного убора — тымака, который имеет, в свою очередь, региональные (родоплеменные) разновидности (рис. 7: 7).

Кафтан у всех сакских посланников изображён в виде однотипной, длиннополой одежды без детализации, поскольку при строго профильном моделировании на рельефе фигур посланников, видимо, художнику трудно было показать реальные элементы покроя костюма степняков или он соблюдал какие-то предписания показать этих людей в т. н. «мидийской одежде» (Schmidt 1970: 113—115; Walser 1966: 86; Shahbazi 2004: 124). В костюмной традиции у сакских народов доминировал, как известно, распашного покроя кафтан, который демонстрируется, например, на рельефных изображениях носителей трона ахеменидского царя в Персеполе и Накше-Рустаме (Walser 1966: 62, 63, Falttafel 1; Calmeyer, 2009: Tafelen 1—31).

Брюки или ноговицы показаны без дополнительных элементов украшений, аппликации и др., за исключением завязок, концы которых свисают на фоне обуви. У *обуви* голенища закрыты и низ не детализирован, поэтому трудно судить о её реальных формах и особенностях.

Оружие. Наличие предметов вооружения у сакских посланников, изображённых на рельефах Ападаны Персеполя, является одним из ключевых факторов, на котором мы строим свои некоторые предположения при расшифровке их смыслового содержания.

Кинжал в ножнах и боевой лук в чехле при себе имеет и Глава согдийской делегации № 17 (Walser 1966: 84—86, Tafel 69, 70), оружие прикрыто кафтаном, что может быть неслучайным. Один из согдийских посланников несёт кинжал в качестве дара ахеменидскому царю.

Кинжал у всех членов делегации изображён однотипным — с брусковидным (не рамчатым) навершием рукояти и в трёхсоставных металлических (?) ножнах (рис. 8: 1). Верхняя часть ножен украшена фигурно оформленной накладкой и боковым выступом с отверстием для вставки головки двусоставного шарнира, с помощью которого оружие подвешивалось к стрелковому поясу. Средняя часть ножен имеет продольную полосу, имитирующую, возможно, ребро жёсткости, обычное для клинка кинжала. Бутероль ножен имеет общее треугольное очертание с закруглёнными концами и приспособлена для удобства привязывания ремешком к (правой) ноге, как это показано на рельефах. Способ привязывания кинжала к ноге у всех фигур одинаковый, лишь у Главы делегации заметно при сильном увеличении фото, что раздвоенный конец ремешка для завязывания имеет тонкое плетение. Такие кинжалы (вернее, ножны) некоторые исследователи относят к мидийскому, т. е. переднеазиатскому типу, однако исходные формы такого вида оружия (Рукавишникова 2015: 39—61, рис. 1: 8) следует искать, по-видимому, в саяно-алтайском круге памятников. Ранний, но, наиболее близкий к ахеменидским тип металлических ножен происходит из кургана Елеке сазы на Тарбагатае (рис. 8: 2), который датируется VIII в. до н.э. (Самашев 2019: 17—60).

Следует заметить, что некоторые исследователи констатировали наличие оружия у членов сакской делегации и не более.

Лук в чехле показан только у Главы сакской делегации (рис. 8: 3). Судя по изображению, это короткий, сильно рефлексирующий лук, широко распространённый в этот исторический период в скифской среде. Мастер изобразил его по известным ему образцам, использованным при создании образа «бессмертных» и ахеменидских воинов. Это касается, в частности, украшения верхнего, выступающего наружу конца «М»-образного рефлексирующего лука в чехле в виде протомы птицы и животного.

Дары. Рассмотрим содержание и статус т. н. «даров» со стороны «Страны саков», изображённых на рельефах лестниц Ападаны Персеполя. Основное назначение дара (вещи и животные) в данном случае — обеспечение состояния гармонии и стабильности во взаимоотношениях Ахеменидской империи с соседними народами и государствами, в частности, со странами сакской конфедерации (если предположить существование такого государственного образования в изучаемый исторический период) и субъектами собственной державы персов. Прямолинейной представляется трактовка сцен шествий как иллюстрации процедуры подношения дани покорённых народов сюзерену. Только Г. Вальзер считал, что, эти подарки не носили характера дани/налога (Walser 1966: 86).

Понятие «данники» подразумевает тех, кто подносит «дань», этимология которой в словаре С. Ожегова объясняется как «налог, взимаемый победителем с побеждённого народа», а не наоборот (TAXES, TRIBUTE — см.: Swart 2021: 149), поэтому, с учётом вышесказанного, уместно было бы использовать для характеристики изображённой ситуации понятие «дар», «дары» или «подарок» (GIFTS), «подношение».

Если исходить из того, что на рельефах изображены не только «данники» покорённых стран, но и «посланники» непокорённых народов, с которыми Ахеменидская империя находилась на совершенно ином уровне военно-политических и экономических взаимоотношений, то надо искать иные варианты их трактовки. При анализе даров мы сталкиваемся с несколько парадоксальной ситуацией — в руках дарителей есть вещи, не вполне характерные для культурного комплекса сакских народов, о которых расскажем ниже. Поэтому можно допустить возможность иллюстрации здесь сцены «ритуального обмена дарами» (Сураганова 2009), не шествие только дарителей, но и одариваемых. Кроме того, как отмечают исследователи, Ахемениды успешно практиковали одаривание представителей элиты других стран и народов подарками (царская золотая уздечка, золотые браслеты, ожерелья, кинжалы, геммы, перстни, монеты и др.) за различные заслуги перед ними или поддерживали взаимовыгодные отношения (Вергазов 2018: 95, 96).

Сначала рассмотрим состав даров, изображённых в сцене шествия сакской делегации.

Конь, которого держит за узду второй член делегации, является главным подарком саков, символизирующим основу богатства, образ жизни, смысл мифо-ритуального комплекса саков (рис. 5). У жеребца с хорошим экстерьером чёлка собрана в пучок, хвост завязан фигурно, показаны детали уздечного комплекса, включая удила, псалии, застёжку подбородочного ремня, распределители на перекрестьях ремней в виде клыков. Псалий относится к типу двудырчатых слабоизогнутых стержней, с центральной петлёй для фиксации удил и крепления повода. Концы псалия оформлены в виде стилизованных конских копыт. Застёжка подбородочного ремня и повод изображены справа, что, вероятно, обусловлено стремлением наглядно продемонстрировать зрителю систему крепления оголовья в целом. На груди коня висит кисть в виде аккуратно стриженного пучка.

Гривна золотая (не браслет, как считают некоторые специалисты) является особо важным по значимости подарком-символом высокого ранга и благородства. В нашем случае примечателен другой момент. Головы мелкого рогатого животного на концах массивной, округлой в сечении гривны, изображены в нехарактерной для сакского степного мира стилистической манере — дуги рогов опускаются вниз на фоне головы, а не возвышаются над теменем (рис. 9: 1). Такой стилистический приём характерен, в основном, для искусства ахеменидского круга. Сама гривна относится к категории престижных вещей и связана с идеей божественного происхождения власти царя, если сравнивать её форму с кольцевидным символом в руках Ахура Мазды. Поэтому, если исходить из позиции дарообмена (Сураганова 2009: 4—19), второй сакский посланник с золотыми гривнами в руках может символизировать одариваемого, а не дарителя. В таком случае сцена с сакскими посланниками обретает несколько иную, дополнительную смысловую нагрузку. Конкретно за этим изображением процедуры «дароношения» могут быть завуалированы

отношения экономического характера между империей и сакским миром, например, плата за степных выносливых коней.

Накидки двух близких моделей в руках сакских посланников, изображённые в собранном виде (рис. 9: 2, 3), можно квалифицировать также как подарок со стороны Ахеменидской царской администрации. Они обладают явными признаками костюмов мидийского круга, которые имели также самые разнообразные цветовые предпочтения в зависимости от социального ранга (например, «кандис» см.: об индикаторах идентичности в изображениях Персеполя (Moorey 1985: 22)), имеют точные аналогии, которые показаны на рельефах Ападаны на плечах придворных чиновников, что наглядно свидетельствует об их высоком статусе и предназначении для ношения элитой ахеменидского общества (Roaf 1983: fig. 114—120). Такая модель одежды, возможно, не производилась в странах саков. Они не вполне удобны для ношения в культурной среде и образе жизни саков и даже для использования во время церемонии в ставках сакских царей.

Наконец, изображение «чулок» в руках последнего посланника, мы квалифицируем как «ноговицы» (рис. 9: 4). Это важный элемент мужского костюма, особенно во всаднических культурах; сначала они появились как дополнительное средство защиты ног от ветра и холода при верховой езде, затем постепенно превратились в престижные вещи. Они широко известны в памятниках пазырыкского круга Алтая (Руденко 1962: табл. XII), что позволяет предполагать об алтайском происхождении этого вида сугубо кочевнической одежды. Ноговицы с роскошными аппликациями изображены на серебряном ритоне из клада в Эребуни, Армения (Treister 2015: 45, Fig. 13: 4), являвшегося в изучаемый период III сатрапией в Ахеменидской империи.

Такие же изображения ноговиц видим, например, на одном скифском сосуде из кургана Куль-Оба в Северном Причерноморье, где показана сцена оказания медицинской помощи; у сакских всадников из Татарлы в Турции; встречаются в погребениях шаньюев хунну (Полосьмак 2014: 68). Некоторые разновидности таких изделий сохраняются вплоть до этнографической современности (даже у казаков)* (*Cossacks — прим. ред.). Как предметы престижа обычно их покрывали различного рода узорами и цветными аппликациями. На рельефе Персеполя этот дар, вручаемый последним членом сакской делегации, в последнюю очередь, символизирует завершение церемонии оказания почести главе могущественной империи со стороны дружественной страны.

Результаты и обсуждение материала

Грандиозные дворцовые комплексы, памятники монументального искусства и живописи Персеполя демонстрировали мощь и размах Ахеменидской империи; они по форме и содержанию носили явно прокламативный характер, следовательно, рельефные изображения посланников, которые входили в состав сакской миссии, фигурируют в подавляющем большинстве литературных источников как делегация № 11, прибывшая в столицу империи из зависимой страны. На сложение взглядов у многих исследователей на саков как на побеждённых данников повлияла, в некоторой степени, Бехистунская надпись, где говорится о победоносном походе Дария I в 519 г. до н.э. против одного из государственных образований саков, вождём (царём) которых был Скунха (этимология его имени, см.: Фрейман 1948: 239—240). В то же время для объективного анализа ситуации необходимо учитывать следующее замечание М.А Дандамаева: «Внимательное чтение надписи показывает, что в ряде случаев победы, которыми хвастается Дарий, на самом деле были серьезными поражениями, понесенными им. Замалчивание неугодных Дарию фактов и их искажение не менее характерны для Бехистунской надписи, чем для любых других официальных документов», — является весьма полезным (Дандамаев 1963: 75—76). М.А. Дандамаев также полагает, что поход Дария I против саков не был карательной экспедицией за мятеж (Дандамаев 2015: 141). Считается, что Скунха остался жив, но был

лишён власти (Меликов 2016: 82). Образ Скунхи требует специального исследования, здесь лишь отметим, что на Бехистунском скальном рельефе показано единственное пока изображение царя одного из государственных образований саков, живших в Присырдарьинских степях, с указанием точной даты создания (519 г. до н.э.) в имперском официальном стиле Ахеменидов.

Возможен и другой подход к изучению содержания указанных изображений. На этих рельефах могли быть запечатлены представители не только покорённых или различной степени зависимых народов, входивших в орбиту влияния Ахеменидской империи, но и «уполномоченные» государств, с которыми персы поддерживали военно-политические, торгово-экономические и иные отношения в благоприятном режиме.

Различные государственные объединения (союзы, конфедерация и др.) «Страны саков» (раннее упоминание данного названия см. в V столбце Бехистунской надписи) на разных этапах существования вступали в интенсивные военно-политические и иные контакты с Ахеменидской державой, охватившей в период своего наивысшего могущества полосу пространства от Нила, Эгейского моря, Закавказья до Инда и просуществовавшей более двух веков (Дьяконов 1961; Струве 1968; Дандамаев 2015; и др.).

В числе народов, расселявшихся вблизи Среднеазиатских сатрапий (военно-податных округов) Ахеменидской империи, на рельефах Ападаны запечатлены как члены официальной делегации, прибывшей в Персеполь не как данники, а как равноправные партнёры — саки (сако-массагеты, включая, возможно, и дахов, даев и др. населения Приаралья) «острошапочные» (Tigraxauda, по гречески — Orthokorybantioi), основное ядро которых, судя по некоторым источникам, локализовалось к востоку от Каспийского моря, а также в бассейне Яксарта и Окса (Пьянков 2013: 500—514). Здесь уместно напомнить, что этноним Saka интерпретируется по-разному: «собака» (Х. Шельд), «олень» (В.И. Абаев), «могущественный» (J. Маркварт) и, одна из последних, возможно, перспективных версий — «странник», «бродячий кочевник» (Szemerenyi 1980: 40—45).

Естественно, что какая-то группа саков номинально, в определённые отрезки взаимоотношений, входила в состав 15-й сатрапии Ахеменидской империи, как об этом писал Геродот (Herod. III, 93), но, в конечном итоге, сумела перейти на другой, равноправный уровень взаимоотношений.

Как отмечает И.В. Пьянков, к концу правления Ксеркса (446—465 гг. до н.э.) саки полностью вышли из подчинения, а при Артаксерксе II (404—359 гг. до н.э.) были только военными союзниками и поставляли Ахеменидам войска (известно их участие в Марафонском сражении, в битвах при Гавгамелах, Фермопилах; последнее сражение саков на стороне Дария III произошло против Александра Македонского в составе объединённого войска под общим руководством бактрийского сатрапа Бесса) и с точки зрения военного потенциала «ставили их в один ряд с персами и мидийцами — ведущими народами империи» (Пьянков 2013: 112—130, 504—513; Дандамаев, Луконин 1980: 118).

Саки могли служить в армии Ахеменидов только в качестве наёмников и, соответственно, получать за это плату. О форме платы у сакских воинов пока неизвестно ничего, но, например, греческие наемники персидских царей плату получали, как пишут, серебряными и золотыми монетами (Дандамаев, Луконин 1980: 235). Сакские наёмники могли получать плату, в основном, в виде предметов быта, ювелирных украшений, одежды и др., некоторые образцы которых встречаются в раннекочевнических погребениях, особенно в западных регионах Казахстана (рис. 10), на юге Урала и т. д. (Балахванцев 2010; 2012: 20—24, 30; Трейстер 2014: 235—244; Балахванцев, Лукпанова 2019; и др.). Украшения древнеперсидского облика с изображением божества с виноградными лозами происходит из элитного кургана Елеке сазы на Тарбагатае.

При подданнических, зависимых отношениях было бы проблематично участие сакской кавалерии с особыми тактическими приёмами ведения боя (притворное отступление, «кружение», стрельба назад с лошади и др.) и использованием ими улучшенных типов

асимметричных рефлексирующих луков, мечей, кинжалов, боевых топоров, защитного вооружения — пластинчатых доспехов, плетённых щитов и др. (Пьянков 2013: 513) в вышеназванных и других военных предприятиях в составе Ахеменидских войск, о чём неоднократно упоминается в персидских и греческих источниках (Herod. VII, 64).

Участие сакского контингента в военных предприятиях Ахеменидского государства предполагало, естественно, регулирование условий какими-то правовыми нормами и формами договоренностей между сторонами, а не двухсторонними клятвами, которые скреплялись кровью и которые существовали исключительно в воинской среде или в тайных мужских союзах.

Саки занимали важную позицию в международной политике Дария I и последующих персидских царей, видимо, по этой причине только им (включая делегацию № 17) предоставлена возможность иметь при себе личное оружие наравне с «бессмертными», личной гвардией и высокопоставленными придворными вельможами во время отмеченного выше ритуального шествия с участием царя Ахеменидов, что не может быть некоей случайностью, как полагали некоторые исследователи.

С оружием изображены представители отдельных сакских групп и среди «носителей трона» (рис. 7: 5). Данный фактор является для нас основополагающим (а не случайным, как интерпретировали некоторые исследователи) при анализе содержания рельефных изображений саков в Персеполе.

Контакты Страны саков с Ахеменидской державой не могли ограничиваться только сферой военно-политического взаимодействия сторон; они развивались и в торгово-экономических делах и культурных обменов. Нет сомнения в том, что важнейшее направление экономики сакских народов — коневодство явилось одним из важнейших статей торговли между ними, поскольку для многочисленной армии Ахеменидов постоянно требовались лошади.

Произведения изобразительного искусства саков в зверином стиле, некоторые виды предметов быта, оружия, одежды и т. д. пользовались особым спросом в среде элиты ахеменидского общества. В то же время через Ахеменидов культурные достижения многих других народов Древнего Востока были доступны сакскому обществу.

Высокохудожественные сакские полихромные изделия как символы богатства, роскоши и этносоциокультурной идентичности использовались не только в процедурах дарообменов, но и служили серьёзным инструментом в торгово-экономических взаимоотношениях.

Длительные контакты с древнеперсидской державой могли оказать определённое влияние на формирование адаптированных к местным условиям моделей государственного управления и сложению соответствующей фискальной системы, поскольку установление видов и размера налогов с населения актуальны во всех обществах и в этом плане у персов существовал богатый опыт (Briant 1996; Иванчик 2000: 174—198), который мог быть учтён и в сакской среде.

Интенсивные контакты с Ахеменидской империей оказали определённое влияние на дальнейшее развитие в ряде областей Страны саков укреплённых поселений и городов (Пьянков 2013: 104—111), которые возникли задолго до похода Александра Македонского, в частности, в низовьях Сырдарьи только в пределах современной административной территории Кызылординской области РК — Ширикрабат, Бабиш молла, Буланды, Инкаркала, Сенгиркала; крепости — Кабыл, Алып, Карабас и др., в материалах которых встречаются и образцы ахеменидского круга — печать с изображением сцены борьбы царя с львиным грифоном, керамические фляги, уплощённые с одного бока и мн. др. (Трудновская 1963: 210, 211, рис. 9: 15; Ставиский 1971: 160; Болелов и др. 2024; Болелов, Утубаев 2025; Калиева 2026; и др.).

Всесторонний анализ изображений саков на рельефах Персеполиса и в других местах (Бехистун, Накше-Рустам, печати и др.) затрагивает, естественно, множество проблем, связанных со сложением самого сакского культурного комплекса, расселением различных

групп сакских народов и их контактов в пространстве и, особенно, наиболее дискуссионный вопрос об их языковой принадлежности, влиянии сакского звериного стиля на формирование Ахеменидского официального искусства и наоборот. Мы в небольшой статье затронули лишь некоторые иконографические особенности изображений саков на рельефах Персеполя.

Заключение

Рельефные изображения на двух лестницах Ападаны Персеполя уже около ста лет привлекают внимание учёных из разных стран, порождая многочисленные варианты расшифровки смыслового содержания в целом всего «иконостаса» и отдельных фрагментов, образов, костюма, предметов вооружения и быта, «даров» и т. д. как в контексте общеимперской истории, так и в плане сложения Ахеменидского официального дворцового искусства. Наиболее интересную, но сложную версию объяснения структуры и содержания событий, зафиксированных на рельефах Ападаны Персеполя, предложил в свое время Роман Гиршман (Ghirshman 1957: 265—278). Он считал, что для празднования Новруза были приглашены в Персеполь представители 23 иностранных, в основном зависимых государств. Торжества состояли из четырёх последовательных и усложнённых этапов; для этого были задействованы все площадки и строения на террасе и вокруг Ападаны (реконструкции см.: Krefter 1971; и др.), а кульминация — встреча с царём — происходила в тронном зале. Р. Гиршман предположил, что на аудиенцию к царю допускали только избранных — глав делегаций и, возможно, нескольких дарителей драгоценностей.

Сакская делегация (№ 11) — одна из самых представительных, состояла из шести персон и единственная, показанная на рельефах Персеполя с комплектом вооружения. С учётом состава, предлагаемых им подарков, включая выносливую степную породу лошадей, символизирующих основные материальные ценности степных народов, следует допускать, что Страна саков в системе военно-стратегических и культурно-исторических ценностей Ахеменидской империи занимала привилегированное положение, а в плане развития торгово-экономических отношений пользовалась «режимом наибольшего благоприятствования».

Образ вооружённого сакского воина на службе у персов представлен и в числе «трононосцев» на других рельефах Персеполя и Накше-Рустама (Calmeyer 2009; и др.), его можно воспринимать, наряду с представителями других народов, как символ поддержки устоев Ахеменидской империи. Исходя из этих и других положений, содержание изображения шествия сакских посланников на рельефах Персеполя следует рассматривать с точки зрения отражения в них устойчивых и равноправных связей в межгосударственных делах в период существования Ахеменидской империи, которые определяли во многом баланс сил в Западной и Средней Азии вплоть до 330 г. до н.э.

Характеристика художественных особенностей изображений членов сакской делегации в контексте общего иконографического анализа, идентификации и определения функций других персонажей, реализованной недавно Антуанеттой Сворт в своей диссертации (Swart 2021), раскрывает очевидные этноопределяющие элементы костюма, особенно остроконечного головного убора — кулаха у самой известной и, вероятно, многочисленной группы саков тиграхауда — *Tigraxauda* (вкупе с даями, дахо-массагетами и др.), которые занимали в изучаемый период территорию Восточного Прикаспия, междуречья Окса и Яксарта и Жетысу и, возможно, часть Сарыарки, Казахского Алтая и Тарбагатая. Саки, изготавливающие хаому — *Haumavarga*, расселялись, как вытекает из источников, юго-восточнее указанных территорий вплоть до Памира.

Таким образом, рельефные изображения саков на лестницах Ападаны Персеполя являются чрезвычайно важным источником по истории и культуре, которые, в совокупности с другими видами археологических свидетельств и письменных данных, могут быть полезными для реконструкции некоторых культурно-исторических явлений в Центральной Азии и прилегающих территории, в VI—IV вв. до н.э.

Литература

Акишев А.К. 1984. *Искусство и идеология саков*. Алма-Ата: Наука.

Акишев К.А., Кушаев Г.А. 1963. *Древняя культура саков и усуней долины реки Или*. Алма-Ата: АН КазССР.

Балахванцев А.С. 2010. К вопросу о времени и обстоятельствах появления ахеменидских импортов на Южном Урале. В: Алёкшин В.А. и др. (ред.). *Древние культуры Евразии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама*. Санкт-Петербург: Инфо-ол, 116—122.

Балахванцев А.С. 2012. Южноуральские дахи и держава Ахеменидов в V в. до н.э. *Вестник НГУ. Серия История, филология*. Т. 11. Вып. 4, 20—24.

Балахванцев А.С., Лукпанова Я.А. 2019. Ахеменидские браслеты из Таксая (Западный Казахстан). В*:* Балахванцев А.С., Маккавеев Н.А. (отв. ред.). *Эпоха империй. Восточный Иран от Ахеменидов до Сасанидов: история, археология, культура. Материалы международной конференции, посвященной памяти Б.А. Литвинского* (г. Москва, 16–18 апреля 2018 г.). Москва: Институт востоковедения РАН, 5—14.

Бобров Л.А. 2012. Казахская воинская шапка «малакай» XVIII—XIX веков. *Вестник Новосибирского университета. Серия история, филология*. Т. 11. Вып. 7. *Археология и этнография,* 213—220.

Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р. 2025. Низовья Сырдарьи в системе трансконтинентальных торговых путей и культурных связей (вторая половина I тыс. до н.э.). *МАИАСП* 20, 85—102.

Болелов и др. 2024: Болелов С.Б., Утубаев Ж.Р., Ерсариев А.М., Касенова А.Д. 2024. Ремесленные поселения на территории Южного Приаралья в эпоху античности. *МАИАСП* 17, 139—163.

Вергазов Р.Р. 2017. Ахеменидская монументальная живопись. К вопросу о реконструкции живописной декорации. *Вестник МГУ. Серия 8. История* 4, 106—122.

Вергазов Р.Р. 2018. Иранизация сатрапий Ахеменидов: к особенностям интеграции культур местных элит Севера и Северо-Востока империи. *Вестник МГУ. Серия 8. История* 1, 88—103.

Геродот. 1972. *История в девяти книгах*. Перевод и примечания Г.А. Стратановского. Ленинград: Наука.

Дандамаев М.А. 1963. *Иран при первых Ахеменидах (VI в. до н.э.)*. Москва: Восточная литература.

Дандамаев М.А. 2015. *Политическая история Ахеменидской державы*. 3-е изд. Санкт-Петербург: Академия исследования культуры.

Дандамаев М.А., Луконин В.Г. 1980. *Культура и экономика древнего Ирана*. Москва: Наука.

Дьяконов М.М. 1961. *Очерки истории древнего Ирана*. Москва: Наука.

Иванчик А.И. 2000. История державы Ахеменидов: источники и новые интерпретации. *ВДИ* 2, 174—198.

Калиева Ж.С. 2026. Гончарство чирик-рабадской культуры: история и проблемы изучения. *Археология Казахстана (Қазақстан археологиясы)* 1 (31), 139—163.

Литвинский Б.А. 1972. *Древние кочевники «Крыши мира»*. Москва: Наука.

Луконин В.Г. 1977. *Искусство древнего Ирана*. Москва: Искусство.

Меликов Р.С. 2016. Скифские этнонимы и антропонимы в древневосточных клинописных текстах. *Вопросы эпиграфики* 9, 74—91.

Полосьмак Н.В. 2014. Степная мода. Вещи из гардероба древних кочевников. *Наука из первых рук* 6 (60), 66—87.

Пьянков И.В. 2013. *Средняя Азия и Евразийская степь в древности*. Санкт-Петербург: Петербургское лингвистическое общество.

Руденко С.И. 1962. *Культура хуннов и Ноинулинские курганы*. Москва; Ленинград: Наука.

Рукавишникова И.В. 2015. К вопросу о скифских железных мечах с золотым декором и многофигурными изображениями в зверином стиле Среднего Дона. *Уфимский археологический вестник* 15, 19—61.

Самашев З. 2019. К вопросу о формировании раннесакского культурного комплекса в Восточном Казахстане. *Turkic Studies Journal* 1 (1), 37—60.

Ставиский Б.Я. 1971. Средняя Азия и Ахеменидский Иран. В: Гафуров Б.Г. (отв. ред.). *История Иранского государства и культуры (к 2500-летию Иранского государства)*. Москва: ГРВЛ, 155—163.

Струве В.В. 1968. *Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии*. Ленинград: Наука.

Сураганова З.К. 2009. *Обмен дарами в казахской традиционной культуре*. Астана: «КАМ-Медиапринт».

Трейстер М.Ю. 2014. Ахеменидские «импорты» у кочевников Евразии. *Сарматы и внешний мир. Уфимский археологический вестник* 14, 235—244.

Трудновская С.А. 1963. Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-рабат В: Толстов С.П., Виноградов А.В. (ред.). *Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг*. Вып. 6. Т. I. *Общий отчёт. Памятники первобытного и античного времени*. Москва: Наука, 201—213.
Уилбер Д. 1977. *Персеполь. Археологические раскопки резиденции персидских царей*. Москва: Наука.
Фрейман А.А. 1948. Плененный враг Дария — скиф Скунха. *Известия АН СССР. Отделение литературы и языка*. Т. VII. Вып. 3. *Май—июнь*, 235—240.
Boucharlat R. 2013. Susa in Iranian and Oriental Architecture. In: Perrot J. (ed.). *The Palace of Darius at Susa: The Great Royal Residence of Achaemenid Persia*. Paris: I.B. Tauris, 409—433.
Briant P. 1996. *Historie de L' Empire Perse. De Cyrus a Alexandre*. Paris: Fayard.
Briant P. 2013. Susa and Elam in the Achaemenid Empire. In: Perrot J. (ed.). *The Palace of Darius at Susa: The Great Royal Residence of Achaemenid Persia*. Paris: I.B. Tauris, 3—25.
Calmeyer P. 2009. *Die Reliefs der Gräber V und VI in Persepolis*. Mainz: Verlag Philipp von Zabern.
Ghirshman R. 1957. Notes iranienes. VII: A props de Persepolis. *Artibus Asiae* XX (4), 265—278.
Herzfeld E. 1935. *Archaeological History of Iran*. London: Oxford University Press.
Herzfeld E. 1941. *Iran in the Ancient East*. London; New York: Oxford University Press.
Krefter F. 1971. *Persepolis Rekonstruktionen* / Teheraner Forschungen. Bd. 3. Berlin: Gebr. Mann Verlag.
Moorey P.R.S. 1985. The Iranian contribution to Achaemenid material culture. *Iran: Journal of the British Institute of Persian Studies* XXIII, 21—37.
Mousavi A. 2012. *Persepolis: Discovery and Afterlife of a World Wonder*. Boston; Berlin: De Gruyter.
Roaf M. 1983. Sculptures and Sculptors at Persepolis. *Iran: Journal of the British Institute of Persian Studies* XXI, 1—164.
Root M.C. 1979. *The King and Kingship in Achaemenid Art: Essays in the Creation of an Iconography of Empire*. Leiden: Universite de Liege.
Szemerenyi Oswald. 1980. Four old Iranien Ethnic Names: SCYTHIAN–SKUDRA–SOGDIAN–SAKA. In: *Veroffentlichungen der Iranishhen commission Herausgeben vor Manfred Mayrhofer* 9.
Schmidt E.F. 1939. *The Treasury of Persepolis and Other Discoveries in the Homeland of the Achaemenians*. Chicago: Chicago University Press.
Schmidt E.F. 1953. *Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions*. Chicago: University of Chicago Press.
Schmidt E.F. 1957. *Persepolis II: Contents of the Treasury and Other Discoveries*. Chicago: Chicago University Press.
Schmidt E.F. 1970. *Persepolis III: The Royal Tombs and Other Monuments*. Chicago: Chicago University Press.
Shahbazi A.S. 2004. *The Authoritative Guide to Persepolis*. Tehran: Safiran-Mirdashti.
Summerer L. 2010. Wall Paintings. In: Summerer L., Von Kienlin A. (eds.). *Tatarlı—The Return of Colours*. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 120—186.
Swart A. 2021. *The Apadana Reliefs at Persepolis an Iconographic Analysis with Special Emphasis on the Identification and Function of the Gift-Bearing Delegations: Doctoral Thesis*. Stellenbosch University.
Treister Mikhail Yu. 2015. A Hoard of Silver Rhyta of the Achaemenid Circle from Erebuni. *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 21, 23—119.
Walser G. 1966. *Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis*. Berlin: Gebr. Mann.
Ward W.H. 1910. *The seal cylinders of Western Asia*. Washington: Carnegie Institution of Washington.
Yoyotte 2013a: Yoyotte J. 2013. The Egyptian Statue of Darius. In: Perrot J. (ed.). *The Palace of Darius at Susa: The Great Royal Residence of Achaemenid Persia*. Paris: I.B. Tauris, 241—271.
Yoyotte 2013b: Yoyotte J. 2013. Peoples and countries of the Empire. In: Perrot J. (ed.). *The Palace of Darius at Susa: The Great Royal Residence of Achaemenid Persia*. Paris: I.B. Tauris, 272—280.

References

Akishev, A.K. 1984. *Iskusstvo i mifologiya sakov (The art and mythology of the Sakas)*. Alma-Ata: Nauka (in Russian).
Akishev, K.A., Kushaev, G.A. 1963. *Drevnyaya kultura sakov i usuney doliny reki Ili (The ancient culture of the Sakas and Usuns of the Ili River Valley)*. Alma Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences (in Russian).
Balakhvantsev, A.S. 2010. In: Alekshin, V.A. et al. (eds.). *Drevnie kultury Evrazii (Ancient cultures of Eurasia)*. Saint Petersburg: Info-ol, 116—122 (in Russian).
Balakhvantsev, A.S. 2012. In *Vestnik NGU. Ser. Istoriya, filologiya (Bulletin of Novosibirsk State University. Ser. History, philology)* 11 (4), 20—24 (in Russian).

Balakhvantsev, A.S., Lukpanova, Ya.A. 2019. In: Balakhvantsev, A.S., Makkaveev, N.A. (eds.). *Epoha imperij. Vostochnyj Iran ot Ahemenidov do Sasanidov: istoriya, arheologiya, kul'tura (The Age of Empires. Eastern Iran from Achaemenids to Sassanids: history, archeology, culture*). Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS, 5—14 (in Russian).

Bobrov, L.A. 2012. In *Vestnik Novosibirskogo universiteta. Seriya istoriya, filologiya (Bulletin of Novosibirsk University. Series history, philology)*. Vol. 11. Iss. 7. *Arheologiya i etnografiya (Archeology and Ethnography)*, 213—220 (in Russian).

Bolelov, S.B., Utubayev, Z.R. 2025. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 20, 85—102 (in Russian).

Bolelov et al. 2024: Bolelov, S.B., Utubaev, Z.R., Ersariev, A.M., Kassenova, A.D. 2024. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 17, 139—163 (in Russian).

Vergazov, R.R. 2017. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Moscow State University)*. Ser. 8. *Istoriya (History)* 4, 106—122 (in Russian).

Vergazov, R.R. 2018. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Moscow State University). Ser. 8. Istoriya (History)* 1, 88—103 (in Russian).

Herodotus. 1972. *Istoriya v devyati knigah. Perevod i primechaniya G.A. Stratanovskogo (A story in nine books. Translation and notes by G.A. Stratanovsky)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Dandamaev, M.A. 1963. *Iran pri pervyh Ahemenidah (VI v. do n.e.) (Iran under the first Achaemenids (4th century BCE))*. Moscow: Vostochnaya Literatura (in Russian).

Dandamaev, M.A. 2015. *Politicheskaya istoriya Akhemenidskoj derzhavy. 3-e izd. (The political history of the Achaemenid empire. 3rd ed.)*. Saint Petersburg: Academy of Cultural Research (in Russian).

Dandamaev, M.A., Lukonin, V.G. 1980. *Kultura i ekonomika drevnego Irana (Culture and economy of ancient Iran)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Diakonov, M.M. 1961. *Ocherki istorii drevnego Irana (Essays on the history of ancient Iran)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Ivanchik, A.I. 2000. In *Vestnik drevnej istorii (Journal of Ancient History)* 2, 174—198 (in Russian).

Kalieva, Zh. S. 2026. In *Kazakstan arheologiasy (Kazakhstan Archeology)* 1 (31), 34—48 (in Russian).

Litvinsky, B.A. 1972. *Drevnie kochevniki "Kryshi mira" (The ancient nomads of the "Roof of the World")*. Moscow: Nauka (in Russian).

Lukonin, V.G. 1977. *Iskusstvo drevnego Irana (The art of ancient Iran)*. Moscow: Iskusstvo (in Russian).

Melikov, R.S. 2016. In *Voprosy epigrafiki (Epigraphy issues)* 9, 74—91 (in Russian).

Polosmak, N.V. 2014. In *Nauka iz pervyh ruk (First-hand science)* 6 (60), 66—87 (in Russian).

Pyankov, I.V. 2013. *Srednyaya Aziya i Evrazijskaya step' v drevnosti (Central Asia and the Eurasian steppe in ancient times)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg Linguistic Society (in Russian).

Rudenko, S.I. 1962. *Kultura hunnov i Noinulinskie kurgany (The culture of the Huns and the Noinuli kurgans)*. Moscow, Leningrad: Nauka (in Russian).

Rukavishnikova, I.V. 2015. In *Ufimskij arheologicheskij vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 15, 19—61 (in Russian).

Samashev, Z. 2019. In *Turkic Studies Journal* 1 (1), 37—60 (in Russian).

Stavisky, B.Ya. 1971. In: Gafurov, B.G. (ed.). *Istoriya Iranskogo gosudarstva i kultury (k 2500-letiyu Iranskogo gosudarstva) (The history of the Iranian State and culture (on the 2500 anniversary of the Iranian State))*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 155—163 (in Russian).

Struve, V.V. 1968. *Etyudy po istorii Severnogo Prichernomor'ya, Kavkaza i Srednej Azii (Studies on the history of the Northern Black Sea region, the Caucasus and Central Asia)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Suraganova, Z.K. 2009. *Obmen darami v kazahskoj traditsionnoj kulture (Gift exchange in Kazakh traditional culture*). Astana: KAM-Mediaprint (in Russian).

Treister, M.Y. 2014. In *Sarmaty i vneshnij mir. Ufimskij arheologicheskij vestnik (Sarmatians and the outside world. Ufa Archaeological Herald)* 14, 235—244 (in Russian).

Trudnovskaya, S.A. 1963. In: Tolstov, S.P., Vinogradov, A.V. (eds.). *Polevye issledovaniya Horezmskoj expeditsii v 1958—1961 gg. (Field research of the Khorezm expedition in 1958—1961)*. Iss. 6. Vol. I. *Obshchij otchyot. Pamyatniki pervobytnogo i antichnogo vremeni (General Report. Monuments of primitive and ancient times)*. Moscow: Nauka, 201—213 (in Russian).

Uilber, D. 1977. *Persepol. Arheologicheskie raskopki rezidentsii persidskih tsarej (Persepolis. Archaeological excavations of the residence of the Persian kings)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Freiman, A.A. 1948. In *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka (News of the USSR Academy of Sciences. Department of Literature and Language)*. Vol. VII. Iss. 3, 235—240 (in Russian).
Boucharlat, R. 2013. In: Perrot, J. (ed.). *The Palace of Darius at Susa: The Great Royal Residence of Achaemenid Persia*. Paris: I.B. Tauris, 409—433.
Briant, P. 1996. *Historie de L' Empire Perse. De Cyrus a Alexandre*. Paris: Fayard (in French).
Briant, P. 2013. In: Perrot, J. (ed.). *The Palace of Darius at Susa: The Great Royal Residence of Achaemenid Persia*. Paris: I.B. Tauris, 3—25.
Calmeyer, P. 2009. *Die Reliefs der Gräber V und VI in Persepolis*. Mainz: Verlag Philipp von Zabern.
Ghirshman, R. 1957. In *Artibus Asiae* XX (4), 265—278.
Herzfeld, E. 1935. *Archaeological History of Iran*. London: Oxford University Press.
Herzfeld, E. 1941. *Iran in the Ancient East*. London; New York: Oxford University Press.
Krefter, F. 1971. *Persepolis Rekonstruktionen* / Teheraner Forschungen. Bd. 3. Berlin: Gebr. Mann Verlag.
Moorey, P.R.S. 1985. In *Iran: Journal of the British Institute of Persian Studies* XXIII, 21—37.
Mousavi, A. 2012. *Persepolis: Discovery and Afterlife of a World Wonder*. Boston; Berlin: De Gruyter.
Roaf, M. 1983. In *Iran: Journal of the British Institute of Persian Studies* XXI, 1—164.
Root, M.C. 1979. *The King and Kingship in Achaemenid Art: Essays in the Creation of an Iconography of Empire*. Leiden: Universite de Liege.
Szemerenyi, Oswald. 1980. In: *Veroffentlichungen der Iranishhen commission Herausgeben vor Manfred Mayrhofer*. Band 9. Wien.
Schmidt, E.F. 1939. *The Treasury of Persepolis and Other Discoveries in the Homeland of the Achaemenians*. Chicago: Chicago University Press.
Schmidt, E.F. 1953. *Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions*. Chicago: University of Chicago Press.
Schmidt, E.F. 1957. *Persepolis II: Contents of the Treasury and Other Discoveries*. Chicago: Chicago University Press.
Schmidt, E.F. 1970. *Persepolis III: The Royal Tombs and Other Monuments*. Chicago: Chicago University Press.
Shahbazi, A.S. 2004. *The Authoritative Guide to Persepolis*. Tehran: Safiran-Mirdashti.
Summerer, L. 2010. In: Summerer, L., Von Kienlin, A. (eds.). *Tatarlı — The Return of Colours*. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 120—186.
Swart, A. 2021. *The Apadana Reliefs at Persepolis an Iconographic Analysis with Special Emphasis on the Identification and Function of the Gift-Bearing Delegations: Doctoral Thesis*. Stellenbosch University.
Treister, Mikhail Yu. 2015. In *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia* 21, 23—119.
Walser, G. 1966. *Die Völkerschaften auf den Reliefs von Persepolis*. Berlin: Gebr. Mann (in German).
Ward, W.H. 1910. *The seal cylinders of Western Asia*. Washington: Carnegie Institution of Washington.
Yoyotte 2013a: Yoyotte, J. 2013. In: Perrot, J. (ed.). *The Palace of Darius at Susa: The Great Royal Residence of Achaemenid Persia*. Paris: I.B. Tauris, 241—271.
Yoyotte 2013b: Yoyotte J. 2013. In: Perrot, J. (ed.). *The Palace of Darius at Susa: The Great Royal Residence of Achaemenid Persia*. Paris: I.B. Tauris, 272—280.



Рис. 1. Музеефицированные развалины Персеполиса у подножья горы Кух-и Рахмет в Иране (фото: B-N. Chagny, по Boucharlat 2013: 410, fig. 450).

Fig. 1. The museumified ruins of Persepolis at the foot of Mount Kuh-e Rahmat in Iran (photo by B.-N. Chagny, after Boucharlat 2013: 410, fig. 450).

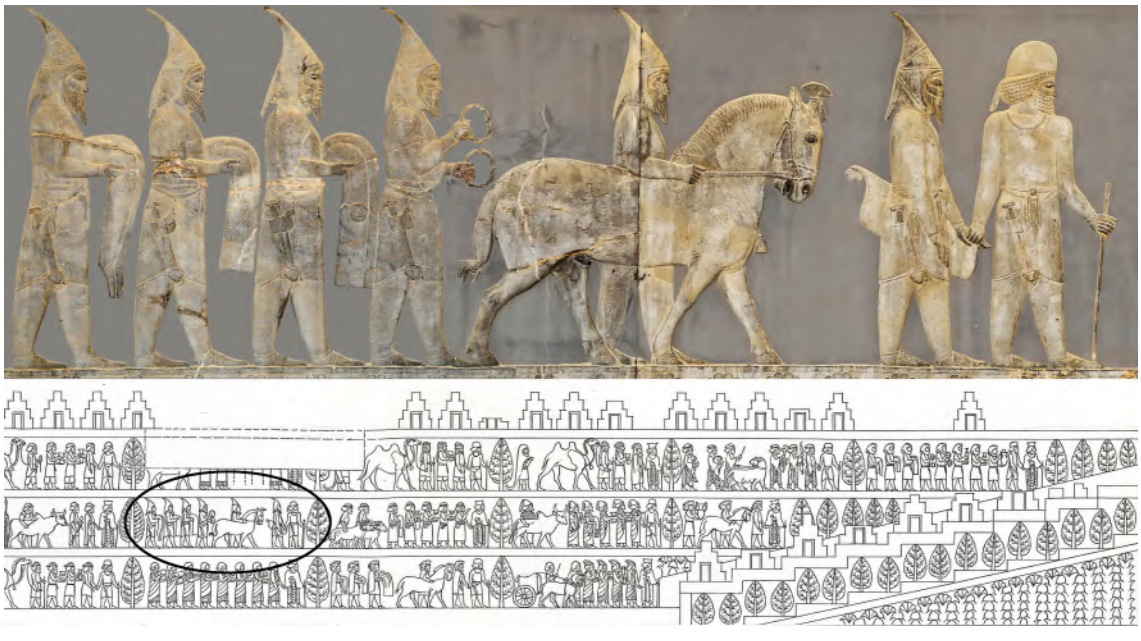


Рис. 2. Рельефные изображения сакской дипломатической миссии на восточной лестнице Ападаны Персеполя (по Schmidt 1953; Walser 1966: Falttafel 2).

Fig. 2. Relief depictions of the Saka diplomatic mission on the eastern staircase of the Apadana at Persepolis (after Schmidt 1953; Walser 1966: Falttafel 2).



Рис. 3. Рельефные изображения сакской дипломатической миссии на северной лестнице Ападаны Персеполя (по Schmidt 1953: Pl. 37a; Walser 1966: Taf. 18; Roaf 1983: 62).

Fig. 3. Relief depictions of the Saka diplomatic mission on the northern staircase of the Apadana at Persepolis (after Schmidt 1953: Plate 37a; Walser 1966: Taf. 18; Roaf 1983: 62).



Рис. 4. Проводник и Глава сакской делегации в этническом костюме и с комплектом оружия: *1* – Мидийский проводник, *2* — Глава сакской дипломатической миссии. Вид на рельефах восточной (слева) и северной (справа) лестниц Ападаны (фото по Schmidt 1953: Pl. 37; Walser 1966: Taf. 18).

Fig. 4. The guide and the leader of the Saka delegation in traditional attire and carrying a set of weapons: *1* — Median guide, *2* — leader of the Saka diplomatic mission. Depictions on the reliefs of the eastern (left) and northern (right) staircases of the Apadana (after Schmidt 1953: Pl. 37; Walser 1966: Taf. 18).

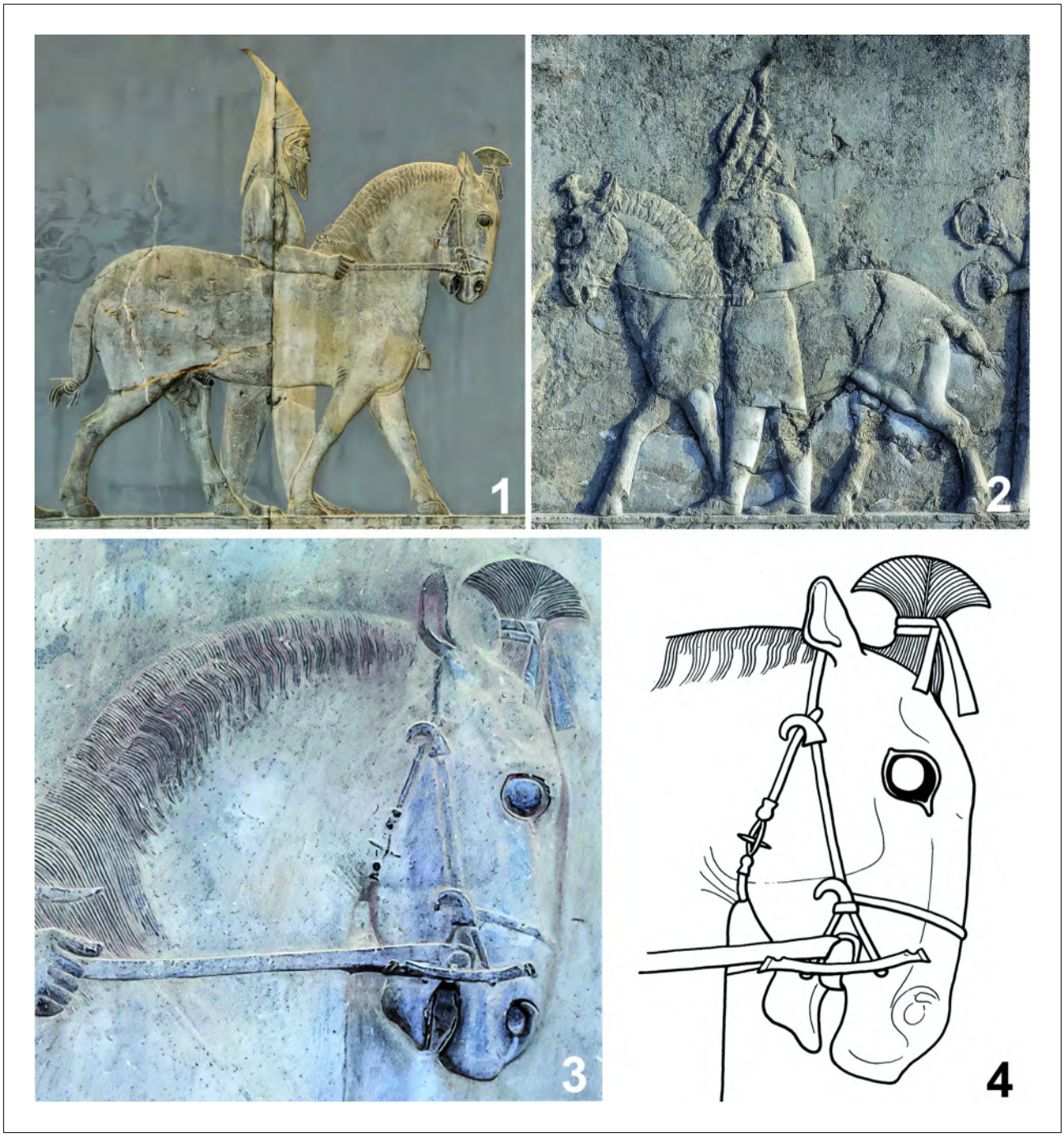


Рис. 5. Второй представитель делегации саков с конем в парадной узде на восточной и северной лестнице Ападаны Персеполя: *1* — слева восточная стена, *2* — справа — северная стена (фото по Schmidt 1953: Pl. 37; Walser 1966: Taf. 18; графика по Moorey 1985: 29, fig. 5).

Fig. 5. The second member of the Saka delegation with a horse wearing a ceremonial bridle, depicted on the eastern and northern staircases of the Apadana at Persepolis: *1* — eastern wall (left), *2* — northern wall (right) (photographs after Schmidt 1953: Pl. 37; Walser 1966: Taf. 18; drawing after Moorey 1985: 29, fig. 5)



Рис. 6. Подарки в руках сакских посланников: *1* — посланник с престижным предметом — гривнами (ахеменидского происхождения) из драгоценного металла, *2* — посланник с мидийской парадной накидкой, рукав которой оформлен обшлагом, *3* — посланник с мидийской парадной накидкой, *4* — посланник с сакскими «ноговицами» (фото по Schmidt 1953: Pl. 37; Walser 1966: Taf. 18). Слева — изображения на восточной лестнице Ападаны Персополя, справа – на северной лестнице Ападаны Персеполя.

Fig. 6. Gifts carried by the Saka envoys: *1* — envoy carrying prestigious objects: neck rings of precious metal (of Achaemenid origin), *2* — envoy carrying a Median ceremonial cloak with a cuffed sleeve, *3* — envoy carrying a Median ceremonial cloak, *4* — envoy carrying Saka leg coverings (photographs after Schmidt 1953: Pl. 37; Walser 1966: Taf. 18). Left: depictions on the eastern staircase of the Apadana at Persepolis; right: depictions on the northern staircase.



Рис. 7. Три типа остроконечного головного убора у разных групп саков: *1* — царский, *2* — высшей элиты, *3* — воинский. 1 — головной убор царя саков тигрохауда Скунхи (фото Y. Majidzadeh, по Briant 2013). *2* — головной убор Главы дипломатической миссии саков на рельефе Персеполя, *3* — реконструкция способа завязывания шнура у остроконечного головного убора — кулаха, *4* — головной убор сакских воинов из росписи деревянной гробницы V в. до н.э. близ Татарлы в Турции (по Summerer 2010: 125, fig. 3), *5* — головной убор сакской элиты из Накше-Рустама (по Walser 1966: Falttafel 1), *6* — головной убор сакской знати на Египетской статуе Дария I, найденной в Сузах I (по Yoyotte 2013b: 276, 297, XII), *7* — головной убор персонажей на цилиндрической печати, хранящейся в Национальной библиотеке Франции (по Ward 1910: 327; fig. 1051), *8* — казахский головной убор — тымак, сохранивший архаичные элементы сакского кулаха. Национальный центральный государственный музей РК, г. Алматы (по Бобров 2012: рис. 5)

Fig. 7. Three types of pointed headdresses worn by different groups of the Saka: *1* — royal, *2* — high-ranking elite, *3* — warriors. *1* — headdress of Skunkha, king of the Saka Tigraxauda (photo by Y. Majidzadeh, after Briant 2013), *2* — headdress of the leader of the Saka diplomatic mission depicted in the Persepolis reliefs, *3* — reconstruction of the method of tying the cord of the pointed headdress known as the kulakh, *4* — headdress of Saka warriors depicted in the paintings of a 5th century BCE wooden tomb near Tatarlı, Türkiye (after Summerer 2010: 125, fig. 3), *5* — headdress of the Saka elite depicted at Naqsh-e Rostam (after Walser 1966: Falttafel 1), *6* — headdress of a Saka noble depicted on the Egyptian statue of Darius I discovered at Susa (after Yoyotte 2013b: 276, 297, XII), *7* — headdress of figures depicted on a cylinder seal held in the collection of the Bibliothèque nationale de France (after Ward 1910: 327, fig. 1051), *8* — Kazakh traditional headdress known as the tymak, preserving archaic elements of the Saka kulakh. Central State Museum of the Republic of Kazakhstan, Almaty (after Bobrov 2012: fig. 5).



Рис. 8. Предметы вооружения у членов сакской делегации: *1* — кинжал в чехле сакского посланника, изображенного на восточной лестнице Ападаны Персеполя, *2* — трёхчастные золотые ножны кинжала из мог. Елеке сазы на Тарбагатае (по: Самашев 2019), *3* — зачехлённый лук Главы сакской делегации (слева – изображение на восточной лестнице Ападаны Персеполя, справа — на северной лестнице Ападаны Перспеполя) (фото по Schmidt 1953: Plate 37; Walser 1966: Tafel 18).

Fig. 8. Weapons carried by members of the Saka delegation: *1* — sheathed dagger carried by a Saka envoy depicted on the eastern staircase of the Apadana at Persepolis, *2* — three-part gold dagger sheath from the Eleke Sazy burial ground in the Tarbagatai Mountains (after Samashev 2019), *3* — bow in a bow case carried by the leader of the Saka delegation (left: depiction on the eastern staircase of the Apadana at Persepolis; right: depiction on the northern staircase) (photographs after Schmidt 1953: Pl. 37; Walser 1966: Taf. 18).

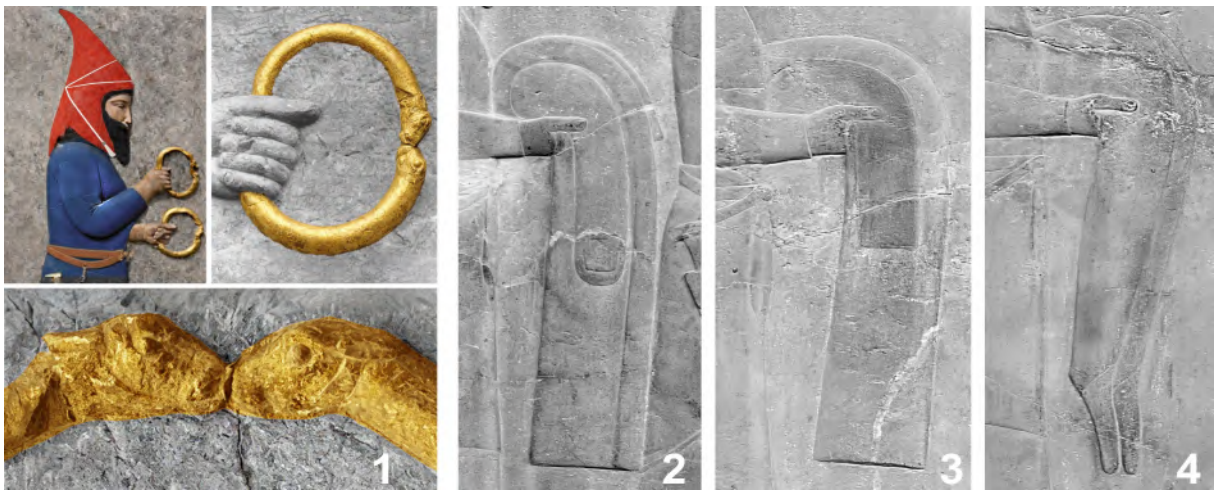


Рис. 9. Дары, изображённые в сцене шествия сакской делегации: *1* — гривны из драгоценного металла (колоратура по ИИ), *2* — накидка с рукавом и манжетой, *3* — накидка с рукавом; 4 —«ноговицы» (фото по Schmidt 1953: Plate 37; Walser 1966: Tafel 18).

Fig. 9. Gifts depicted in the procession of the Saka delegation: *1* — precious-metal neck rings (AI-generated colorization), *2* — cloak with a sleeve and cuff, *3* — cloak with a sleeve, *4* — Saka leg coverings (photographs after Schmidt 1953: Pl. 37; Walser 1966: Taf. 18).



Рис. 10. Ахеменидский золотой браслет из кургана 6 могильника Таксай 1 в Западном Казахстане (фото по Балахванцев, Лукпанова 2019: рис. 2).

Fig. 10. Achaemenid gold bracelet from Kurgan No. 6 at the Taksay 1 burial ground in Western Kazakhstan (photo after Balakhvantsev and Lukpanova 2019: fig. 2).